

**ИСТОРИЯ МУЗЫКИ В ДОКУМЕНТАХ: ФЕСТИВАЛЬ
К СТОЛЕТИЮ Г. Ф. ГЕНДЕЛЯ ГЛАЗАМИ ЧАРЛЬЗА БЁРНИ**

Елена КОЛОКОЛЬНИКОВА

**«...ЭТО СМЕЛОЕ НАЧИНАНИЕ ОТКРОЕТ НОВУЮ ЭРУ
В ИСТОРИИ МУЗЫКИ...»**

Для англичан Гендель – не просто композитор, но объект культа. Скажу больше – религиозного культа! Когда во время исполнения «Мессии» хор начинает петь «Аллилуйю», все встают, как в церкви. Английские протестанты переживают эти минуты почти так же, как если бы лицезрели поднятие чаши со святыми дарами. Каждые три года организуется «Генделевский фестиваль», на котором его оратории исполняются четырьмя тысячами участников, собранных со всех концов Англии. Эффект ужасен; но все находят его грандиозным.

Бернард Шоу «О Музыке»

Фестиваль памяти Генделя, состоявшийся в 1784 году, можно без риска впасть в преувеличение назвать одним из самых заметных музыкальных событий XVIII века и одним из ключевых моментов в восприятии генделевской музыки. Грандиозные празднества, не имевшие аналогов даже в музыкальной жизни Лондона — одной из культурных столиц Европы, — проводились под патронатом самого короля Георга III и получили широчайший общественный резонанс, сделавшись событием государственной важности. Генделевский фестиваль 1784 года положил начало традиции, став первым в ряду подобных мероприятий, проводившихся с достаточной частотой, хотя и не регулярно. Имя Генделя в Англии того времени

Колокольникова Елена Вячеславовна — соискатель ученой степени кандидата искусствоведения (Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского).

не просто пользовалось величайшим почетом — оно было предметом поклонения и одним из главных символов национальной культуры, так что организация торжеств на высочайшем уровне полностью соответствовала официальному статусу Генделя как величайшего из английских композиторов. В таком контексте вполне естественно стремление организаторов выдвинуть на первый план и всячески подчеркнуть грандиозность и величие генделевской музыки, — что выразилось не только в помпезности мероприятия, но и в кардинальном расширении исполнительского состава, каковое определило дальнейшие тенденции в интерпретации его произведений: количество участников неуклонно возрастало, и если на первом фестивале оно составляло около 500 человек, то к 1883 году (то есть по прошествии почти ста лет) достигло 4500 (!). И хотя, по свидетельствам современников Генделя, сам он, исполняя свои оратории и имея в распоряжении лишь небольшие составы, неоднократно высказывал пожелание их расширить, все же трудно поверить, чтобы речь шла о столь гигантских масштабах.

Вестминстерское аббатство не случайно выбрано было для проведения торжеств: оно стало местом последнего упокоения композитора, и там же с древности торжественно короновали английских монархов, каковая церемония тоже связана с именем Генделя: в 1727 году он сочинил для коронации Георга II четыре антема, самый знаменитый из которых, «Священник Садок», исполняется с тех пор при восшествии на престол каждого английского монарха. Кроме всего прочего, в Лондоне в те времена, вероятно, было не так уж много мест, столь подходящих — как по размерам, так и по акустике — для огромного состава исполнителей. Не забудем и о необходимости размещения публики, коей ожидалось — и справедливо! — великое множество.

Предлагаемый вниманию читателя «Отчет о музыкальных представлениях в память о Генделе в Вестминстерском аббатстве и Пантеоне 26, 27, 29 мая и 3 и 5 июня 1784» составлен современником и очевидцем этого эпохального события, английским музыкантом, педагогом и историком музыки Чарльзом Бёрни, причем отнюдь не по собственному почину: Бёрни был официально назначен «летописцем» фестиваля.

Чарльз Бёрни (1726–1814) был одной из самых популярных и влиятельных фигур в лондонских музыкальных кругах того времени. Обладая безупречным вкусом, выдающейся эрудицией и, по-видимому, исключительным человеческим обаянием, он каждого располагал к себе, и среди отзывов о нем современники мы находим лишь похвалы. Будучи одарен, кроме музыкального, еще и недюжинным литературным талантом, Бёрни к моменту написания «Отчета...» успел опубликовать путевые заметки (см.: [5], [6])¹, явившиеся плодами его странствий по Европе и добавившие к его широкой известности как музыканта и педагога славу музыкального историка и писателя, а также два из четырех томов «Всеобщей истории музыки» — первого в Англии фундаментального труда в этой области². Вдобавок Бёрни в молодые годы посчастливилось быть лично знакомым с Генделем и участвовать в исполнении ораторий «Геркулес» и «Валтасар» в 1745

¹ Труды эти, дополненные по источникам Музыкального общества, были переизданы в двух томах под названием «Музыкальные путешествия доктора Бёрни по Европе» (см.: [9]). Они были переведены на русский язык — см.: [1], [2].

² Одновременно с Бёрни над аналогичной книгой работал Джон Хокинс (Hawkins). Его работа — в пяти томах! — вышла в ноябре 1776 года, через семь месяцев после публикации I тома труда Бёрни.

году; из всего перечисленного ясно, почему именно ему поручен был этот труд. Также и собственные умонастроения историка находились в русле царившего тогда официального культа Генделя; столь впечатляющее нас сегодня почитание композитора полностью согласуется с репликой Бёрни из его Предисловия к «Отчету...» — о том, что поклонение великим есть первый признак цивилизованного общества.

Разумеется, тот факт, что работа писалась по заказу, — да к тому же еще и исходящему от самого короля, патрона фестиваля! — не мог не поставить Бёрни в трудное положение: поскольку торжества эти были делом государственной важности, он вынужден был учитывать политическую конъюнктуру. Именно этим, по мнению современного исследователя (см.: [11]), объясняются восторженный тон «Отчета...» и отсутствие в нем критических замечаний. Последнее, однако, представляется не вполне верным — достаточно обратить внимание хотя бы на живейшее описание чудовищной давки, возникшей при входе в Вестминстерское аббатство из-за задержки с приготовлениями к первому концерту; автор не произносит ни слова в осуждение организаторам, однако внимание, уделенное им этой неприятной и даже опасной ситуации, говорит само за себя.

Бёрни подробно останавливается как на внешней стороне происходящего, — добросовестно описывая устройство подмостков для громадного оркестра и хора, а также лож и галерей для публики, — так и на анализе исполнявшихся произведений, давая краткую характеристику каждому разделу и подчеркивая моменты в исполнении, особенно его впечатлившие.

Ничуть не менее интересна и предыстория торжеств, повествуемая автором от самого начала — и с полным правом, ибо он, присутствуя при переговорах организаторов, был очевидцем того, как идея праздника приобретала все более зримые очертания. Упоминая имена руководителей фестиваля, Бёрни дает им лишь краткие характеристики, сводящиеся, в общих чертах, к тому, что все они — достойнейшие люди (лишь Джоа Бейтс, главный дирижер фестиваля, охарактеризован подробнее); создание биографических очерков никак не входило в его обязанности и намерения. Да и было бы излишне в отчете, написанном по горячим следам события, обстоятельно описывать заслуги людей всем известных и уважаемых. В наше время, однако, ситуация совершенно иная: ни одно из названных Бёрни имен не известно широкой публике, а многие незнакомы даже специалистам. Хотелось бы поэтому обратить внимание хотя бы на некоторые детали: основные заботы по организации и руководству фестивалем возложены были на плечи не профессионалов, но любителей. В частности, упомянутый Джоа Бейтс, бессменный дирижер и один из идеологов фестиваля, был комиссаром министерства продовольствия, — и, однако, руководил, причем с колоссальным успехом, огромным коллективом исполнителей, — из чего следует, что ситуация эта никого в то время не удивляла. Впрочем, мистер Бейтс был фигурой действительно незаурядной, фактически — профессиональным организатором, клавесинистом и дирижером, и это отнюдь не единственный в его жизни случай участия в подобном мероприятии. Заметим, что помощником его был некий «мистер Эшли, гвардеец», занимавшийся отбором оркестрантов и хористов и сам игравший в оркестре на контрафаготе (!). Среди помощников были, разумеется, и профессиональные музыканты, чьи имена ныне, увы, пребывают в забвении, — органисты и композиторы Бенджамин Кук, Эдмунд Эйртон, Джон Джоунс, Теодор Эйлуорд, Томас Сандерс Дюпюи и Сэмюэль Арнольд (последний, будучи также музыкальным издателем, выпустил первое полное собрание

сочинений Генделя в 1787–97 годах). Однако на них возложены были обязанности лишь организационные, — каковы Бёрни, впрочем, почитает ничуть не менее важными, хоть они и «исполняемы были беззвучно».

Важнейшим моментом, на который хотелось бы обратить внимание, представляется выбор музыки для торжеств. За исключением оратории «Мессия», исполненной целиком в третий день фестиваля, 29 мая, программы всех остальных концертов составлены были в основном из фрагментов крупных сочинений — ораторий и опер; лишь Деттингенский Те Деум и два антема прозвучали полностью. Организаторов, следовательно, интересовала не передача целостных концепций и глубинных смыслов, заложенных в крупных произведениях, но яркость и контрасты между номерами, способные вызвать бурную эмоциональную реакцию публики. Об этом свидетельствуют слова Бёрни — содержащие, возможно, художественное преувеличение — о том, что сам он в один из трогательных моментов «с превеликим трудом сдержал слезы», а также о виденных им «слезах восторга» на лицах людей, и даже об обмороках, вызванных крайним восхищением; так что замысел организаторов поразить публику силою эмоций увенчался полным успехом. В неменьшей степени, вероятно, важен был отбор музыки известной и любимой слушателями, «узнаваемость» ее, неизбежно приводившая к сравнению с предшествовавшими слышанными исполнениями — разумеется, не в пользу последних: об одном из хоров Похоронного антема, в частности, Бёрни говорит, что подобного совершенства в исполнении «ни он, ни какая-либо другая музыка подобного рода, возможно, никогда ранее не удаивались».

О сильнейшем воздействии концертов на слушателей свидетельствует и таковой, подчеркиваемый Бёрни, факт, как мертвая тишина, царившая во время исполнения. Вместо обычных на подобных мероприятиях светских разговоров, публика слушала «с безмолвным напряженным вниманием», что было особенно очевидно во время пауз. Концерты, следовательно, перестали быть для нее лишь досужим времяпрепровождением; всех присутствующих объединяла музыка Генделя и переживание возвышенных чувств.

Детальная точность описания происходящего, а также всех планов и приготовлений делает «Отчет...» Бёрни ценнейшим документом, а богатство и образная насыщенность языка превращают чтение в истинное удовольствие.

* * *

Настоящая публикация охватывает Предисловие автора и вступительную часть «Отчета...». Продолжение будет представлено читателям в следующих номерах журнала. Все примечания, кроме специально оговоренных случаев, принадлежат переводчику — Анне Лосевой.